

*ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ /
THE HISTORY OF RELIGION*

Серия «Политология. Религиоведение»
2010. № 2 (5). С. 103–112
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 267

**Православные религиозные объединения
Пензенской области. 1940–1960-е гг.***

Л. А. Королёва, А. А. Королёв, И. Н. Гарькин

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
г. Пенза*

В статье анализируется положение православных общин в советском обществе (состав верующих и духовенства, основные направления деятельности РПЦ и т. д.) на региональном уровне – в Пензенской области в 1940–1960-х гг.

Ключевые слова: СССР, православие, Пензенская область.

Исходя из национального состава населения Пензенской области, основной религией региона было православие, распространенное, главным образом, среди русских (86,2 % всего населения области), мордвы (5,7 %), украинцев (1,0 %), белорусов и других национальностей, проживавших в Пензенском крае (всего около 96 % общей численности населения) [1].

До Великой Отечественной войны в Пензенском регионе функционировало 2 церкви; недействовавших церковей насчитывалось 500, из них 476 были заняты под хозяйственные и культурно-просветительские нужды, 24 здания – пустовали [2]. В 1945 г. в результате изменения государственной церковной политики в Пензенском крае было открыто 16 церковей и 2 молельных дома; в 1946 г. – 10 церковей; в 1947 г. – 2 церкви и 1 молельный дом. Из 25 районов области, в которых функционировали церкви, в Пензе, Белинском, Кузнецком, Мокшанском, Нижне-Ломовском, Поимском районах имелось по две действующие церкви. В 14 районах Пензенского региона отсутствовали действующие церкви. Свечных мастерских или других каких-либо предприятий в пензенских приходах не имелось [3].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Власть и Русская православная церковь в СССР во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)», проект № 10-01-28102а/В.

Уже в 1947–1948 гг. проявились первые симптомы охлаждения государственно-церковных отношений. В 1949 г. на территории Пензенского региона 4 церковных здания было разобрано и переоборудовано [4].

Православное духовенство, обслуживавшее церкви Пензенского региона, в 1945 г. включало в себя 1 епископа, 12 священников, 3 дьякона, 2 псаломщика. По мере открытия церквей в области увеличивалось количество священнослужителей. В 1957 г. пензенское духовенство состояло из 1 архиепископа, 50 священников, 9 диаконов, причем, более половины из них были осуждены, главным образом, по ст. 58. По возрасту преобладали священники преклонных лет: старше 55 лет – 42 чел., остальные – в возрасте от 42 до 55 лет. По национальному составу пензенское духовенство было представлено, в основном, русскими и мордвой. У пензенского городского духовенства был более высокий образовательный уровень, нежели у сельского: из 38 сельских священнослужителей среднее богословское образование (пастырские курсы, духовная семинария) имели 16 чел., начальное – 14, среднее светское – 8; тогда как в городе у 1 служителя культа из 16 было высшее богословское академическое образование, у 12 – среднее богословское, 1 – начальное училище, 2 – среднее светское. 14 священнослужителей области являлись людьми малограмотными, не умевшими даже заполнить анкету. Епископ Кирилл подчеркивал, что «очень многие из его духовенства слабо подготовлены к пастырской деятельности, не только не могут говорить проповедей, но есть и такие, которые даже не умеют правильно читать по-славянски». Исходя из ситуации, в 1948 г. при пензенском епархиальном совете было решено открыть богословско-пастырские курсы по повышению грамотности и служебных знаний для духовенства, не имевших специального духовного образования. Богословско-пастырские курсы в Пензе начали функционировать с 8 февраля 1949 г. [5].

Одним из главных направлений деятельности православного духовенства были проповеди для верующих. Уполномоченный по Пензенской области Н. И. Лысманкин обращал особое внимание на то, что в 1945–1953 гг. «в своих проповедях и беседах духовенство ставило своей задачей развить у верующих горячую любовь к Родине, к нашему Правительству и гениальному Вождю и полководцу товарищу И. В. Сталину. Беседы, основанные на апостольских и евангельских чтениях, развертывались в духе текущего момента по газетным материалам». Значительное внимание в проповедях уделялось вопросу нравственного значения труда: «Труд воспитывает волю и развивает творческие, богодарованные способности, излечивает наши пороки и предохраняет от преступлений». Звучали проповеди на темы «Кротость и смирение – душевные качества, особенно ценные в человеческом общении», «Смирение есть условие проверенного прогресса» и т. д. Затем при чтении проповедей пензенские священники начали активно использовать рекомендации «Журнала Московской патриархии». Священники стремились преподнести религию как своеобразную «науку жизни». Акцент делался на то, чтобы подкрепить истинность веры, ее соответствие явлениям современности. Священника Мироносицкой церкви Пензы Макашева даже уволили за штат за его

«публичные выступления». Священник выступал перед верующими с проповедями «О значении больших заповедей», в которых разъяснял смысл заповеди «не убий»: «Слово “не убий” означает не только убить человека физически. Человека можно убить и духовно, убить словами. Если отнять у человека веру в бога, то это равносильно убийству, так как лишение человека веры в бога лишает его и царства небесного» [6]. Проповеди священников городов области отличались большей интеллектуальностью, социальной направленностью и актуальностью, приближением к проблемам сегодняшнего дня, по сравнению с сельской местностью, что объяснялось, по-видимому, уровнем аудитории, на которую рассчитаны проповеди, и священнослужителей, более молодых и профессионально подготовленных.

С 1944 по 1947 гг. регистрировалась стабильно поступательная динамика подачи ходатайств об открытии церквей, затем – явный спад в результате очередного «закручивания гаек» в отношении конфессий со стороны государства: 1944 г. – 55, 1945 г. – 168, 1946 г. – 192, 1947 г. – 67, 1948 г. – 35. Всего с 1944 г. по 1949 г. от православных верующих Пензенского края в различные государственные инстанции было подано около 600 заявлений из 177 населенных пунктов области с прошениями об открытии церквей. Из всех поданных прошений в 1944–1947 гг. было удовлетворено 89 из 31 населенного пункта области – 17,2 % к общему количеству ходатайств. За 1948–1949 гг. большинство заявлений об открытии церквей поступило не в адрес уполномоченного Совета по Пензенской области, а собственно в Совет по делам РПЦ и другие центральные советские органы. Так, в 1948 г. из 74 ходатайств 38 было направлено в центральные органы, в 1949 г. из 48 прошений – 34. В 1953 г. как отражение изменения государственно-церковной политики было подано всего 19 ходатайств от верующих 7 сел Пензенского края. По количеству подававшихся прошений и по личным заявлениям уполномоченному Совету по Пензенской области об открытии церквей «лидировали» верующие Больше-Вьяского, Земетчинского, Кузнецкого, Лунинского, Наровчатского, Нижне-Ломовского районов [7].

До 18 февраля 1947 г. обязанности управляющего Пензенской епархией исполнял епископ Михаил. В связи с его новым назначением 21 февраля в управление епархией вступил епископ Кирилл. Поскольку Кирилл по состоянию здоровья не мог единолично управлять епархией, то создали епархиальный совет в количестве 3 чел. Общее руководство Советом епископ оставил за собой. 18 декабря 1953 г. архиепископ Пензенский Кирилл скончался. Проведение похорон 21 декабря патриархия поручила куйбышевскому епископу Иерониму. На траурной процессии присутствовало свыше 2 тыс. чел., причем, как заметил уполномоченный, многие «были в церкви не из религиозных побуждений, а с целью посмотреть на похороны архиерея как на зрелище, тем более, что в Пензе еще не было никогда похорон епископа». В феврале 1954 г. епископ Леонид был переведен в качестве управляющего из Астраханской и Сталинградской в Пензенскую и Саранскую епархию [8].

Серьезным ударом для священнослужителей явилось постановление Священного Синода от 18 апреля 1961 г., вынесенное им под давлением свет-

ских органов власти. Теперь настоятель не имел права участвовать в хозяйственно-финансовой жизни религиозной общины. Кроме того, руководство самой общины переходило к исполнительному органу – так называемой «двадцатке». В составе церковных «двадцаток» преобладали люди преклонного возраста: в 1962 г. из 631 чел. «двадцаток» православных церквей Пензенской области старше 60 лет было 394 (62 %) чел.; 439 (70 %) были неграмотными и малограмотными, 149 (24 %) имели низшее образование, 21 (3 %) – неполное среднее. Уровень образования членов «двадцаток» неуклонно повышался. В составе «двадцаток», так же как и в целом среди православных верующих, преобладали женщины. Несмотря на данные характеристики, как отмечал уполномоченный, члены церковного актива «проявляют иногда завидную активность и изворотливость в разрешении церковных вопросов» [9]. В начале 1960-х гг. уполномоченный отмечал следующую тенденцию в составе «двадцаток» – количество дееспособных, активных пенсионеров в них значительно возросло, причем, «некоторые из них за хорошую работу на производстве и за участие в боях во время Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями» [10]. Опасность заключалась в том, что вступление ветеранов труда и войны, весьма уважаемых людей, в церковный актив способствовал укреплению религиозности населения.

Пензенская область относилась к числу «самых неблагополучных областей Советского Союза по религиозной обрядности» [11]. Поскольку с 1962 г. власти установили контроль за венчаниями, крещениями и отпеваниями, все участники ритуалов в обязательном порядке регистрировались в специальных журналах, и затем информация поступала «по инстанциям» с дальнейшими, как правило, репрессивными последствиями. Ситуация для уполномоченного Совета по Пензенской области осложнялась тем, что религиозные обряды совершались не только жителями области, но и приезжавшими специального для этого из других регионов (Саратовская, Ульяновская, Тамбовская области, Мордовская АССР и др.).

Православные священники были настолько востребованы, что зачастую не справлялись со всем объемом работ. Так, в письме управляющему Пензенской епархией Феодосию священник церкви Беднодемьяновска Н. И. Бессонов (14 января 1963 г.) сообщал: «Преосвященный владыка, я не отказываюсь от работы, а прошу Вашей помощи – пришлите второго священника. Ведь служба у нас продолжается ежедневно с 8 ч. утра до 16–17 ч., а тем более, в праздник столько службы и треб, что одному очень тяжело... Если я по состоянию здоровья не выполню ту или иную требу, то меня разорвут на части. Было несколько случаев, за невыполнение мною треб у меня стучали в окна и разбивали дверь, тем более, когда свадьбы и крестины... Ни одного дня, даже в выходной, я вовремя не покушаю, не говоря уже об отдыхе» [12].

В дни больших религиозных праздников количество присутствовавших на молениях было весьма велико – от 10 до 50 тыс. чел. Незначительные колебания присутствовавших на молениях были связаны не с изменениями религиозности в связи с атеистическими мероприятиями, а складывались в результате плохих климатических условий, совпадения религиозного праздника

с выходным днем и т. п. Причем, если численный состав молящихся оставался достаточно стабильным, то по некоторым другим параметрам наблюдались значительные изменения. Среди верующих в данный период стали преобладать женщины более старшего возраста (от 50 лет) – около 95 %. Мужчины составляли не более 5 %, причем, как правило, преклонного возраста. Тем не менее, среди молившихся было зафиксировано в начале 1960-х гг. определенное количество молодежи. Хотя, безусловно, в основной своей массе посещение молодыми людьми храмов, особенно в такие праздники, как Пасха, нельзя однозначно классифицировать как проявление истинной веры. Приход молодежи, скорее, вызывался не религиозными мотивами, а интересом к зрелищным мероприятиям, желанием пообщаться в необычной обстановке и т. д. Духовенство предпринимало активные попытки привлечь детей и молодежь в церкви. Православные священнослужители в своих проповедях внушали родителям необходимость приобщения детей к вере. Священник Параскевинской церкви Кузнецка Волошенко в одной из своих проповедей прямо заявил: «Церковь воспитывает у молодежи более высокие нравственные качества, чем комсомол» [13]. Священники церковей сел Русская Норка (Шемышейский район) и Малая Ижмора (Земетчинский район) Калмыков и Шувалов выдавали приходящим в храмы детям незначительные денежные суммы в дни религиозных праздников, о чем дети открыто говорили: «Пойду в церковь, батюшка рублик даст» [14].

Несмотря на широкомасштабную атеистическую работу со стороны светского государства, венчались и крестили своих детей, главным образом, молодые люди, занятые общественно полезным трудом, с образованием в 7–8 классов. Так, в 1964 г. среди родителей, совершивших обряд крещения своих детей, 84 % были граждане моложе 35 лет, имевшие, в основном, низшее (63 %) и неполное (28 %) образование. Детей крестили, главным образом, до 3-летнего возраста, из них 87 % – детей до 2-х лет. Характерно, что среди молодежи, совершавшей религиозные обряды, преобладали девушки. Максимальное количество обрядов совершалось в городских храмах области – Пензенской, Кузнецкой, Сердобской церквях [15].

Залогом стабильности и расширения всей деятельности церковей является их материальное благополучие. Доходы церковей были весьма солидными. Прибыль приходов получалась, главным образом, за счет продажи предметов культа и платы за совершение религиозных обрядов, что в среднем составляло около 80 % всех денежных доходов. Наибольший годовой доход имели городские церкви, наименьший – православные молитвенные дома сел Большой Мичкас Нижне-Ломовского района и Аришка Никольского района [16].

В связи с денежной реформой доходность церковей и духовенства значительно понизилась. В городских и сельских общинах содержать церкви стало трудно, по мнению верующих, поэтому члены пензенского церковного совета в 1948 г. поставили перед православным духовенством вопрос об отчислении 25–30 % от дохода духовенства за требы на содержание церковей. Духовенство области негативно отнеслось к такому предложению, ссылаясь на то, «что благодаря уменьшению дохода от треб им стало трудно жить». Никакого ре-

шения на собрании церковного совета принято не было. Затем епископ Кирилл поочередно вызвал к себе инициаторов из церковного совета на беседу, после чего некоторые из них заявили о выходе из совета [17].

В 1960 г. областным финотделом было отмечено, что ориентировочно священнослужители 20 церквей Пензенской области занимались сокрытием своих реальных доходов, т. е. общая сумма не обложенной подоходным налогом прибыли духовенства составила в 1960 г. приблизительно 325 000 руб. Уполномоченный подчеркивал: «Духовенство живет материально обеспеченно. Многие из них приобретают дорогостоящие жилые дома, легковые автомашины, покупают предметы роскоши, содержат прислугу». Количество жалоб с претензиями о завышении подоходного налога со стороны православного духовенства в среднем составляло 10–15 в год. В 1951–1953 гг. пензенские священнослужители направляли свои жалобы, главным образом, в местные финансовые органы (26), Министерство финансов СССР (13), уполномоченному Совету по делам РПЦ (10) [18].

Руководство церковью старалось стабилизировать свой материальный уровень, для чего в 1948 г. было проведено специальное совещание пензенского духовенства, на котором обсуждался вопрос о «взаимной помощи церковью друг другу». В Пензенской епархии наряду с крепкими «рентабельными» приходами (Кузнецк, Сердобск, Поим и другие) существовали «убыточные», которые не располагали достаточными средствами, чтобы самостоятельно произвести ремонт храма, закупить необходимую церковную утварь и т. д. В итоге было решено оказывать слабым приходам материальную помощь «в порядке позаймствования» [19].

В 1958 г. всего по Пензенскому региону в церквях и епархиальном управлении работало в качестве рабочих и служащих 199 чел. Наиболее востребованы были бухгалтеры, счетоводы, кассиры, машинистки, сторожа, уборщицы и т. д. Выполнять работу в церкви, даже неквалифицированную, было выгодно. Бывший псаломщик церкви Кузнецка В. М. Храмов, бывший сотрудник органов милиции, член КПСС, так объяснял свой отказ бросить службу в храме: «Человек я пожилой. Пенсию получаю всего 30 руб. Какие это деньги! В церкви мне платят 100 руб. в месяц. Да помимо оклада, сколько еще приходится продуктов. В родительскую субботу я уносил домой по 2–3 пуда пшена, с пудик рису и мешков семь булок. А ведь в году таких 10 дней бывает. А сколько еще булок, сахару и другого. Только на пасху мне доставалось тысяча штук яиц. Ну, где я еще найду лучшее место! Нет, я не могу бросить службу в церкви» [20].

В конце 1961 г. по инициативе властей был проведен единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций. В 1961–1962 гг. власти снижали в принудительном порядке продажные цены на просфоры и свечи. Под влиянием уполномоченного Совета по делам РПЦ по Пензенской области общины вынесли решения о снижении продажных цен на свечи от 30 % до 50 % на различные сорта свечей, а также на 50 % на просфоры [21].

С 1962 г. была введена новая система оплаты труда: батюшке устанавливался твердый оклад исполнительными органами религиозных обществ, сверх которого он не должен был никак вознаграждаться. Тем самым духовенство лишалось материальной заинтересованности в увеличении численности совершения религиозных обрядов. Однако у данного в целом положительного фискального мероприятия оказалась и обратная сторона: уменьшение доходов духовенства автоматически повлекло снижение подоходного налога. Таким образом, в результате перевода духовенства на твердые оклады в течение года поступление подоходного налога в государственную казну сократилось на 70 400 руб. Уполномоченный Совета по Пензенской области справедливо подчеркивал, что «эта сумма, ранее поступавшая в доход государства, могла теперь оказаться в церковных кассах и могла быть использована на укрепление церквей» [22]. В целях предотвращения усиления данной тенденции были предприняты меры по изъятию излишних денежных средств у церквей в рамках советской законности.

Со второй половины 1950-х гг. разворачивается очередная «красногвардейская атака» на религию, стимулированная процессом «построения коммунистического общества к 1980 гг.». Усиление государственного прессинга непосредственно отразилось на пензенских православных организациях. Если в 1949 г. в области было 70 служителей только православного культа (примерно 2 % от количества священнослужителей в 1917 г.), то в 1961 г. во всех официально функционировавших церквях, мечетях и молельных домах служило 70 представителей духовенства. Если в конце 1940-х гг. в Пензенском крае функционировало 29 церквей и 3 молельных дома, то к середине 1960-х гг. осталось 27 церкви [23].

Итак, исходя из национального состава Пензенской области (русские, мордва и т. д.), основным культом вероисповедания среди населения было православие.

Укрепив свои позиции к концу Великой Отечественной войны, Русская православная церковь стала мощной структурой. Если до Отечественной войны в Пензенской области было 2 церкви, то к 1948 г. их всего насчитывалось 32.

Основной контингент православных верующих – люди пожилого возраста, пенсионеры, главным образом женщины. Пензенский регион отличался высоким уровнем посещения населением храмов, участием в церковных службах и т. д. Ситуация осложнялась тем, что в Пензенскую область приезжали для совершения религиозных обрядов жители соседних районов.

Пензенское духовенство было представлено священнослужителями преклонного возраста, преимущественно русскими и мордвой. Образовательный уровень священнослужителей был невысок, причем, у городских священников несколько выше, чем у сельских служителей церкви.

К 1950-м гг. активизируется государственная политика ограничения религиозной деятельности, что непосредственно сказалось на местных православных церквях (закрытие приходов, финансовый прессинг и усиление налогового бремени, активизация атеистической пропаганды и т. п.).

Хрущёвская «оттепель» дала импульс духовному освобождению людей, что, в свою очередь, повлекло за собой новый подъем религиозности и, как следствие, увеличение прибыли церквей. Основой церковных доходов в масштабах СССР и на пензенском уровне являлась фактически коммерческая деятельность православных религиозных объединений – торговля свечами, просфорами, ладаном, лампадным маслом и другими предметами церковной утвари. Поскольку материальные доходы православных общин Пензенской области значительно возросли и стабилизировались, это дало им возможность провести массовые капитальные и косметические ремонты в церковных зданиях, расширить благотворительную деятельность, что, в свою очередь, способствовало усилению своего авторитета у населения региона. В конечном итоге, служить в церкви тем же пенсионерам было просто выгодно, поскольку оклад, получаемый ими в храме, порою превышал в несколько раз пенсию.

Значительное обострение государственно-церковных отношений наступило в конце 1950-х гг., что в определенной степени было связано с проектом построения в СССР коммунистического общества и начавшимся русским религиозным возрождением.

Практика показала, что, несмотря на широкомасштабные антицерковные действия со стороны советских властей, религия продолжала оказывать серьезное влияние на сознание верующих, количество которых было весьма значительным. Русская православная церковь, поддерживая в целом светское руководство страны, выступала в качестве его оппонента в плане формирования мировоззренческих устоев народа. Православная церковь вела свою деятельность в направлении пополнения паствы и формирования в общественном мнении терпимого и благожелательного отношения к церкви как социальному институту, имеющему многовековую историю. Верующие именно в церкви находили возможность для реализации своих невостребованных личностных побуждений, идеалов патриотизма, стремления к справедливости, уважительного отношения к личности и т. п. Духовенство своевременно и адекватно реагировало на это. Проповеди священнослужителей Пензенской области отличались актуальностью и даже злободневностью. С целью укрепления авторитета служителей церкви епископы обязывали священников заниматься на курсах по «повышению квалификации» – пастырских; следили за их моральным обликом и в случае несоответствия предъявляемым требованиям применяли репрессивные меры.

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 50; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
2. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
3. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
4. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
5. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 25; Д. 5. Л. 61; Д. 9. Л. 7.
6. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 27. Л. 124; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

1. The state archive of the Penza region (SAPR) F. 148. In. 1. B. 5235. L. 50; F. 2392. In. 1. B. 21. L. 16.
2. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 21. L. 16.
3. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 3. L. 22.
4. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 21. L. 16.
5. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 3. L. 25; B. 5. L. 61; B. 9. L. 7.
6. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 27. L. 124; F. 2391. In. 1. B. 3. L. 24.

7. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 96.
8. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 20. Л. 91; Д. 24. Л. 4.
9. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4681. Л. 37–38.
10. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 27. Л. 85.
11. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 71. Л. 8–12.
12. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 27. Л. 78–79.
13. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 93; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 66. Л. 70; Д. 37. Л. 12.
14. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 220.
15. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 94–96.
16. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 27. Л. 128; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
17. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–11.
18. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 41; Д. 11. Л. 29.
19. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 37. Л. 117–118.
20. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 26. Л. 285; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 27. Л. 265.
21. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 37. Л. 116; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 122. Д. 772. Л. 106.
22. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 27. Л. 248.
23. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 20. Л. 16, 105.
7. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 1. L. 11; F. 2391. In. 1. B. 3. L. 96.
8. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 20. L. 91; B. 24. L. 4.
9. SAPR. F. 148. In. 1. B. 4681. L. 37–38.
10. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 27. L. 85.
11. SAPR. F. 148. In. 1. B. 71. L. 8–12.
12. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 27. L. 78–79.
13. SAPR. F. 148. In. 1. B. 4617. L. 93; F. 2392. In. 1. B. 66. L. 70; B. 37. L. 12.
14. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 29. L. 220.
15. SAPR. F. 148. In. 1. B. 4617. L. 94–96.
16. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 27. L. 128; F. 2391. In. 1. B. 3. L. 22.
17. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 6. L. 10–11.
18. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 5. L. 41; B. 11. L. 29.
19. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 37. L. 117–118.
20. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 26. L. 285; Ф. 2391. In. 1. B. 27. L. 265.
21. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 37. L. 116; the Russian state archive of socio-political history (RSASPH) F. 17. In. 122. B. 772. L. 106.
22. SAPR. F. 2391. In. 1. B. 27. L. 248.
23. SAPR. F. 2392. In. 1. B. 20. L. 16, 105.

Orthodox religious associations of the Penza region. 1940–1960-s

L. A. Koroljova, A. A. Koroljov, I. N. Garkin

Penza State University of Architecture and Construction, Penza

In the article the position of orthodox communities in the Soviet society (structure of believers and clergy, the basic directions of activity of Russian Orthodox church etc.) at regional level – in the Penza region in 1940–1960-s is analyzed.

Key words: the USSR, Orthodoxy, the Penza region.

Королёва Лариса Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, e-mail: la-koro@yandex.ru

Koroļjova Larisa Aleksandrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Head of the Chair of History, the Penza State University of Architecture and Construction, e-mail: la-koro@yandex.ru

Королёв Алексей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, e-mail: sansan@pnz.ru

Koroļjov Alexey Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Docent, the Chair of History, the Penza State University of Architecture and Construction; e-mail: sansan@pnz.ru

Гарькин Игорь Николаевич – студент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, e-mail: sansan@pnz.ru

Garkin Igor Nikolaevich – student, the Penza State University of Architecture and Construction, e-mail: sansan@pnz.ru